

Фольклористика

УДК 398.2 (=511.132)(045)

А. Н. Рассыхаев

КОМИ ПРЕДАНИЯ ОБ ОСВОЕНИИ ВИШЕРСКОГО КРАЯ

В статье на основе преимущественно полевых экспедиционных материалов начала XXI в. впервые проанализированы коми предания об освоении и заселении Вишерского края (бассейн р. Вишера, Корткеросский район Республики Коми). Выделены разностадиальные фольклорные произведения, образованные в разное время и циркулирующие в традиции, создающие целостный народный образ исторического освоения Вишерского края и сохраняющие коллективную память этнолокальной группы. Первый период на основе фольклорных текстов можно обозначить как «чуждской». Основным персонажем преданий становится аборигенное население – мифологическая чуждь, исчезнувшая с данной территории, но оставившая наиболее значимые гидронимы Вишерского края. Вторым периодом предания связывают с коми населением, прибывшим на начальном этапе с верховьев р. Выжь. В устной прозе героями, обживающими тайгу, становятся охотники-рыболовы и землепашцы, заселившие основные населенные пункты по рекам Вишера и Нившера и дающие названия селам и деревням. Наиболее частыми мотивами становятся такие общераспространенные, как освоение пространства одним человеком, двумя или тремя родными (реже – шестью) братьями, выбор удобного для земледелия холма, расселение у богатого дичью и пушными зверями реки, случайное открытие нового прямого пути между населенными пунктами. Некоторые названия деревень отражают имена первых жителей, видов птиц, особенностей местности. Особенностью устной прозы вишерских коми является функционирование преданий, объясняющих как топоним на коми, так и русском языках. Двухязычные топонимы увеличивают сюжетно-мотивный фонд преданий.

Ключевые слова: коми, фольклор, локальная фольклорная традиция, вишерские коми, устная народная проза, предания, устные рассказы, устная история.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-507-519

В исследованиях локальных фольклорных традиций изучению устной народной прозы отводится отдельное место. Особое внимание при этом в классической фольклористике придается преданиям, как наиболее репрезентативному материалу, отражающему исторические события и характеризующему «местную историю», которое оформилось в своего рода «устную хронику» региона [Криничная 1987, 10]. Тексты подобного рода сохраняют установку на достоверность, истинность и историзм, привязаны к определенной местности [Левинтон 1988, 332; Тихонова 2018, 71]. Указывая на локальный характер бытования преданий, В. К. Соколова называет аналогичные тексты «местными» [Соколова 1970, 5]. Е. Л. Тихонова дает следующее определение данному жанру: «предание – это устный рассказ локального значения, с установкой на историческую достоверность, повествующий о событиях далекого прошлого и обладающий определенными композиционно-стилистическими особенностями, основными из которых являются отсутствие строго канонической формы и как следствие этого – не очень явная выделенность из обыденной речевой деятельности» [Тихонова 2018, 71]. Предания выполняют свою основную функцию, которая заключается в трансляции во времени исторических знаний [Тихонова 2018, 7].

Весомое место среди преданий занимает цикл рассказов о заселении и освоении края [Криничная 1987, 30]. Изучавший устную сказочную прозу коми Ю. Г. Рочев не выделяет предания об освоении края, однако в его классификации есть предания топонимические, сюжеты которых повествуют об образовании того или иного топонима, а термин «локальные предания» охватывает фольклорные тексты о героях локальных традиций [Рочев 1985, 54].

С этой разновидностью преданий тесно соприкасаются топонимические предания (или предания с топонимическими мотивами), представляющие собой «устные прозаические рассказы, которые своей исторической основой (многие топонимические предания содержат в своей структуре исторические мотивы) связаны с событиями общественной жизни первых засельщиков края, а своей мифологической основой – с древнейшими представлениями и верованиями той социальной общности, к которой принадлежат носители преданий» [Тихонова 2018, 191]. Н. А. Криничная отмечает, что «мо-

тив происхождения географического названия также сложился в рамках цикла о заселении и освоении края, где он иногда играет сюжетобразующую роль» [Криничная 1987, 70].

Между тем установкой на достоверность и историзм обладают также нарративы, которые не всегда можно классифицировать, ориентируясь на фольклорную жанровую систему – прежде всего, это воспоминания-мемораты, «тексты топонимического характера», устные рассказы, и т. д. [Каргополье 2009, 16]. Некоторые нарративы с трудом выделяются в потоке повседневной речи. Подобные внежанровые фольклорные тексты, записанные во время полевых исследований в бассейне Вишеры (Корткеросский район Республики Коми) в 2010-х гг. от коми населения, также используются в данной работе.

За бассейном р. Вишеры в коми традиции закрепился термин *Висервож* (Вишерский край), на территории которого располагаются три сельских поселения с тремя селами (Богородск, Большелуг, Нившера) и 10 деревнями (Лунь, Сюзяыб, Троицк; Алексеевка, Ивановка, Русановская; Выльыб, Зульб, Ивановская), где проживают вишерские коми (*висерсаяс*). Еще несколько населенных пунктов были официально ликвидированы в период закрытия «неперспективных деревень» (Лымва, Сывьюдор; Боровой, Одью, Потью – спецпоселения, все были в составе Нившерского с/с) или присоединены в качестве микрорайона к селам, сохранив при этом прежний топоним (к примеру, Тист, Боровск, Макарсикт). Практически все населенные пункты имеют два названия: на коми и русском языках. Так, Алексеевку на коми языке называют *Мельнича Озын* (букв.: Мельничная пристань), Троицк – *Тупöсикт* (Антиповка, букв.: село Антипа), Ивановскую – *Джиян* (букв.: Синица) и т. д. Данная традиция исторически сложилась по мере заселения территории и необходимости официального наименования населенных пунктов органами государственного управления. Двухязычные топонимы Вишерского края повлияли на формирование сюжетно-мотивного фонда топонимических преданий, т. к. информанты часто объясняют возможное происхождение топонима с опорой на разные языковые конструкции.

Наблюдения за полевыми экспедиционными записями преданий об освоении края позволяют понять, что мы имеем дело с разностадиальными текстами, которые в традиции информантами иногда также вычлняются, ориентируясь на хронологию представленных в преданиях событий. При обращении к событиям давнего прошлого используются как приблизительные даты (500 лет назад) и исторически значимые персонажи (Стефан Пермский), так и лексика с неопределенным временем *коркõ* ('когда-то'), *важõн* ('давно'), *зэв важен* ('очень давно'); и т. п. Первый период заселения Вишерского края в устный народной прозе связывается с докоми аборигенным населением, жившим в доисторическом (мифологическом) времени. Следующий за ним второй период освоения бассейна реки Вишера, связанный с собственно коми населением, условно охватывает события, известные с XV в. по исторически задокументированным источникам, однако профильтрованные фольклорным сознанием и воплощенные в преданиях.

По рассказам информантов, до появления в Вишерском крае постоянного коми населения здесь автохтонно жила чудь. Старожилы указывают места поблизости от своих населенных пунктов, где находятся чудские ямы (*чудь гу*). В Богородске это местечко *Кармыльк* (букв.: Городище на холме / бугре) на берегу р. Нившера, в Выльыбе – располагающееся в бору на противоположном берегу реки *Кõсьтакерõс* (букв.: возвышенность Константина); и др. Нынешним информантам чудь предстает как обитавшее до появления коми население (*важолысь, первоалысь*), похоронившие себя из-за неприятия другой веры. Со слов Б. А. Мишарина, в советские годы один из его родственников пытался раскопать чудские ямы и разбогатеть за счет нахождения драгоценностей (прежде всего, золота), однако в ямах ничего не нашли (ПМА. Инф.: Мишарин Борис Алексеевич, 1959 г. р. Зап. в дер. Выльыб в 2009 г.).¹

Кроме этого, по преданиям чудь оставляет после себя не только чудские ямы, но и искусственно создает на реке Вишера порог из привезенных камней в местечке *Ростагъя* – урочище, находящееся на волоке между дер. Ивановская и с. Сторожевск на р. Вычегда. При этом название ручья *Виччысянашор* (букв.: Ручей ожидания; нынешнее написание на картах *Видзчанашор*) якобы сохранилось с тех самых событий, когда там чудь ждала, чтобы дать отпор людям новой веры (ФФ ИЯЛИ А11185-19. Инф.: Попов Геннадий Иванович, 1952 г. р., урож. дер. Ивановская. Зап. А. Н. Рассыхаев, С. А. Сажина 17.06.2014 г. в с. Нившера).

¹ Здесь и далее в статье указывается только населенный пункт Корткеросского района Республики Коми. Цитируемые тексты даны в переводе с коми на русский язык автором работы.

Предание с аналогичным сюжетом было записано и ранее. Миссионером, несущим новую веру для язычников, становится Стефан Пермский, а на указанном месте стоял сторожевой пост чуди, которые должны были зажечь костер, чтобы известить своих соплеменников о приближении противника [Коми легенды и предания 1984, 20–21]. Согласно другому тексту, в тех местах произошла битва двух чудских племен [Вакуль].

Мотив самопогребения языческой чуди, не захотевшей принять новую веру – христианство, характерен и для преданий, локально привязанных к урочищу *Кармыльк*, располагающейся недалеко от с. Богородск. При этом противниками автохтонного чудского населения становятся христиане с черной книгой – Библией, пришлые люди со Скандинавского полуострова, именующую свою страну Биармией. После битвы пришельцев с местной чюдью, вынужденной заживо захоронить себя, река заполнилась кровью (*вир сер*). По словам информанта, от окрашенной кровью реки (на коми языке – *Вир сер ю*) со временем образовалось коми название р. Вишера – «Висер», а возникшее в результате народной этимологии название гидронима (Вирсер > Висер) перешло затем населенному пункту (Богородск – русское название, закрепилось от построенной в селе Богородичной церкви) [Рассыхаев 2022, 31–32].

Заметим, что описанные в предании события и биармийский след в истории коми народа в 1990-х гг. были представлены в коми публицистике – газетных заметках и научно-популярных статьях исследователей и краеведов. В версиях преданий с этим сюжетом, объясняющим происхождение гидронима *Висер*, противниками становятся местное население Вишерского края и прибывшие с бассейна Выми миссионеры [Историческая память 2005, 53–54], а также враждующие чудские племена [Вакуль].

Зафиксировано также предание о том, что холм *Кармыльк* остался со времен Стефана Пермского: на месте самопогребения людей, не захотевших принять новую веру, раздается гул под ногами (ФФ ИЯЛИ А11287-4. Зап. Лобанова Л. С. 20.06.2017 г. в с. Богородск. Инф.: Каллистратова Тамара Ефимовна, 1932 г.р.). Такие же сведения сообщили коми поэту В. А. Савину во время его поездки по вишерским селам в 1926 г.: «Прежде там жила, как говорят, чудь. “Кармыльк” – это и есть чудская могила; внутри пусто. Если наверх подняться и ногами потопать – гул послышится» [Савин 1926, № 9, 35].

Чудь, убегающая от крещения, способствовала появлению в Вишерском бассейне и другого микротопонима – *Ньыыкоськ*. Предание объясняет, что место, где проскользнула на речном пороге (*кось*) при переходе через реку и утонула убегающая от преследователей чудинка-девушка, стали называть *Ньыыкоськ*, что буквально можно перевести как ‘Девичий порог / перекал’ [Историческая память 2005, 16]. В варианте этого предания обыгрывается еще один гидроним – Нившера (но не его коми название *Ньывсер*) – левый приток р. Вишера. По словам рассказчика, якобы около этой реки умерла убегающая чудинка, а река получила название *Ньвшор* (букв.: Девичий ручей) [Рочев, 1984, 23–24].

Чаще всего местное население предлагает этимологию коми названия гидронима *Ньыысер* выводить из автоматического сложения двух коми слов: *ньыы* ‘пихта’ (*ньыы* – диалектное произношение с удлинением гласной вм. литературного «*ньыв*») и *сер* (‘узор, рисунок, орнамент’). Появление гидронима жители связывают с обилием в верховьях данной реки пихты (*ньыы*). В связи с этим старожилы, заставшие предвоенные голодные годы, часто вспоминают о том, как в верховьях реки драли пихтовую кору (*кач*) для размельчения и добавки в муку. Отметим также версию А. Попова², близкой к народноэтимологическим вариантам, но не зафиксированной в фольклорной традиции. По его мнению, название селения *Висьёр* образовано из двух коми слов: *висьём* ‘болезнь’ и *йёр* ‘огород, место ограждения’ и означает «здоровое, целебное». В семантике топонима автор видит духовно-религиозный смысл («больные душевно и телесно, приезжающие сюда для поклонения образу Божией Матери, с верою и усердием, получают здравие») [Попов 2010, 172].

Впрочем, в поздних записях преданий образ убегающей от крестителей чудинки отсутствует, что, видимо, связано с трансформационными механизмами народной традиции. Культурным героем, давшим названия природным объектам, становится основатель деревни Троицк (*Тупёсикт* – на коми языке) мужчина по имени Тупэ (*Тупё* – народная форма мужского имени Антип). По преданию, по мере приближения к будущему селению он оставляет свои сапоги у ручья, которое стало называться

² По данным коми фольклориста Л. С. Лобановой, опубликованная в 1848 г. статья принадлежит штатному смотрителю Усть-Сысольского уездного училища Александру Федоровичу Попову (1806–?), а не священнику А. Е. Попову.

Сангаэль (букв.: Сапожный лесной ручей). На другом берегу р. Нившера в озеро забросил свое пальто, после чего озеро стали называть *Сисънасыты* (букв.: Озеро с гнилой шубой) [Рассыхаев 2022].

По анализируемым преданиям, непосредственного контакта чуди и коми населения в Вишерском крае не было. В народной традиции чудь рассматривается как население, жившее до коми в некое мифологическое время, в котором активно действовали религиозные миссионеры (Стефан Пермский, скандинавы-христиане из легендарной Биармии), стремившиеся насильно крестить язычников, не оказывающих, в принципе, никакого военного сопротивления.

Если предания о чуди стадийно можно отнести к первому этапу заселения Вишерского края, то второй период связан с первозасельщиками этих мест, давшими названия населенным пунктам.

Судя по историческим источникам, бассейн Вишеры начал заселяться с XVI в. жителями бассейна Выми [Жеребцов, Лашук 1958], хотя первые упоминания данных мест зафиксированы в XIV в. Заселение шло через верховья рек Вымь и Вишера по волоку, по которому еще в нач. XX в., судя по рассказам наших информантов, коми жители ездили за солью в Серегово. В первую очередь образовались Богородск (коми название – *Висер*), именуемый в прежних документах как «погост Вишера», и Большелуг (коми название – калькированное *Ыджыдвидз*), впервые упоминающиеся в 1608 г. [Жеребцов 2000, 19, 21].

В вишерской локальной культуре основными первозасельщиками нетронутых таежных мест становятся охотники и рыболовы, стремящиеся в богатые дичью и рыбой края. Иногда информанты подчеркивают, что будущим насельникам понравились также удобные для земледелия места и заливные луга вдоль равнинных рек. Практически о каждом селе или деревне записаны предания и иного типа нарративы, объясняющие происхождение или название населенного пункта или части селения. Иногда сюжеты преданий легко укладываются в короткие повествования, которые можно передать простой формулой: «пришел некто из других мест и поселился».

Несколько удивительно, что на фоне многочисленных преданий об основании деревень и сел Вишерского края сведения о заселении одного из самых старинных селений (Богородска) скупы. В одном из текстов сообщается, что в Богородск прибыли с Выми через речку *Енью* (букв.: Божественная / священная река); сначала обосновались в местечке *Пилюк*, а потом уже – в Богородске. Первозасельщикам были притягательны места, богатые рыбой и дичью, а также удобные для земледелия [Историческая память 2005, 53–54]. Заметно, что предание передает некоторые известные исторической науке факты (переселение с Выми через верховья реки). В то же время с основанием села, ставшего к XIX в. почитаемым религиозным и паломническим центром, где в церкви хранится явленная чудотворная Вишерская икона Божьей Матери [Попов 2010, 158, 172], связана легенда, обосновывающая появление населенного пункта божественным предопределением Богородицы. По сообщениям, на место будущего села с низовьев реки приплыла в дырявой лодке Пресвятая Богородица [Рассыхаев 2022]. В варианте этой легенды, зафиксированной в сер. XIX в., в плывущей против течения лодке, сопровождаемой старичком в белом (в исчезнувшем силуэте жители признали Святого Стефана Великопермского), находилась икона, которую перенесли в особое место, а потом построили деревянную церковь [Попов 2010, 172].

Выбор места для села или церкви Богородицей или иконой довольно распространенный мотив в нарративах на Европейском севере России [Криничная 1987, 52; Кузнецова 2012; Панченко 1998, 138]. Предполагаем, что доминирование легенд о Богородице повлияло на вытеснение на периферию фольклорной традиции преданий о заселении Богородска.

Происхождение деревни Троицк (коми название – *Тупӧсикт*) на р. Нившера (приток Вишеры) информанты устойчиво связывают с мужчиной по имени *Тупӧ*. По пути к будущему месту основания населенного пункта герой предания, подобно культурному герою-демиургу, успевает дать названия ручьям и озерам. Рассказчики выдвигают несколько версий о том, с какой стороны *Тупӧ* пришел в их деревню: со стороны с. Богородск, с. Нившеры и напрямую через леса со стороны с. Нёбдино, находящейся на р. Вычегда. Как часто бывает с первозасельщиками, первым жилищем для *Тупӧ* послужила землянка [Рассыхаев 2022: 33–34]. Также есть версия, что основателями деревни были два брата, один из которых переехал в другое место, а *Тупӧ* остался на прежней территории [Вакуль].

Молодой человек *Тупӧ* оказался причастен и к образованию других топонимов, относящихся к Богородскому кусту. По преданию, в том месте, где он перекрестился (*насъясис*), появилась деревня *Пасвомын*, образованное от сложения двух слов: *нас* ‘знак, отметка’ и *вомын* ‘плёс’. При этом, по словам рассказчиков, деревню по-русски называют *Пасвомын*, а по коми – *Паслэччӧм* (букв.: *нас* ‘знак, отметка’, *лэччӧм* ‘спуск’), хотя в основе обеих названий лексика коми языка [Рассыхаев 2022].

Впрочем, коми название деревни также объясняется активным действием одного человека, решившегося через тайгу сделать прямую просеку до Нёбдино, оставляя зарубки (*нас*). Финишную точку около села, где закончилась дорога, стали называть *Паспом* (букв.: *нас* ‘зарубка, отметка’, «лом» ‘конец’), а стартовую, с которого начал спускаться вниз по реке – *Паслэччём* [Рассыхаев 2022]. В вишерских преданиях часто обнаруживается, что неким культурным центром для только что заселенных мест является с. Нёбдино. К этому селу ведут охотничьи тропы, с этих мест отважные первопроходцы переселяются на новое место жительства.

Судя по преданиям, охотником также была случайно «открыта» прямая дорога от Богородска в Нившеру. По рассказам местных жителей, однажды охотник из Нившеры отправился в Богородск на празднование какого-то осеннего праздника вместе со своей собакой. На следующее утро охотник, не найдя своей собаки, возвратился домой. На его удивление, четвероногий друг самостоятельно вернулся домой, а охотник решил по свежим следам собаки по только что выпавшему снегу выследить ее путь и дошел через тайгу до Богородска. Вскоре через эту просеку сделали зимник, а потом и прямую дорогу, связавшую села, а дорогу назвали *Гильпастуй* – в честь собаки по кличке *Гиль* (ФФ ИЯЛИ А11185-20. Инф.: Попов Геннадий Иванович, 1952 г. р., урож. в дер. Ивановская. Зап. А. Н. Рассыхаев, С. А. Сажина 17.06.2014 г. в с. Нившера).

Скорее всего устные рассказы о Гильпастуй хронологически возникли позже на основе сведений о *Емвапас* (букв.: «*Емва*» ‘река Вымь’, «*нас*» ‘зарубка, отметка’), предания о которой менее известны местным жителям. Ученые подчеркивают, что по Емвапас – зимнику, соединяющему бассейн Выми с бассейном Вишеры, проходила дорога, которой активно пользовались в первые века после заселения Вишеры [Жеребцов, Лашук 1958, 86]. Предание же гласит, что Емвапас соединяет дорогой бассейн Выми с Ульяновским Троице-Стефановским монастырем, а деревня Лунь стоит на перекрестке путей. Якобы однажды вымский охотник приобрел у жителя Луни охотничью собаку, позже сбежавшую во время лесования по выпавшему снегу к прежнему хозяину. Вымчанин последовал по следам собаки, оставляя топором зарубки на деревьях, и вышел в Лунь, а затем обратно вернулся домой ни с чем. Просеку в свое время расширили и назвали дорогу Емвапас [Панюков 1999, 42].

Две деревни рядом с Богородском в своем названии имеют орнитонимы, что дает возможность информантам предполагать обилие данных видов птиц в здешних местах: *Лунь* ‘Лунь’, *Сюзьяб* ‘Со-ва’ + ‘возвышенность’. Кроме этого, есть и другие версии происхождения топонимов, зафиксированных в краеведческой литературе. Так, Лунь получила свое название из-за своего южного географического расположения по отношению к с. Богородск (Лунь < *лун* ‘юг; день’) [Панюков 1999, 42]. Краевед И. М. Панюков отмечает также, со ссылкой на рассказы жителей, что топоним был дан из-за белокурого как птица лунь старца [Панюков 1999, 42].

Одновременно с Богородском в вишерском бассейне был заселен Большелугский куст, в который входят с. Большелуг (коми название – *Ыджыдвидз*), деревни Выльыб, Зулэб (*Зулёб*) и Ивановская (*Джиян*). Связанные с Большелугом предания дополняют известные по публикациям краеведов и историков сведения о появлении этого села, в XVII в. располагавшегося на левой стороне р. Вишера [Панюков 1999, 53]. По рассказам, первоначально население Большелуга жило на другом берегу реки в местечке *Косьтакерёс* (букв.: Холм Константина), а после смены русла реки первоначально село стало затоплять во время половодья. Информанты, подчеркивая этот исторически реальный факт, сообщают, что на правый берег переселились именно братья, а не группа людей, не имеющих родства. Причем, основное название села перешло селению, где обосновалась их большая часть, а основанный еще одним из братьев чуть выше по течению населенный пункт стал называться *Выльыб* (букв.: Новый пригорок / холм). Судя по преданиям, имена братьев даны названиям вновь возникших частей села: *Йигёсикт* (Игнатовка; *Йигё* < Игнат), *Тимасикт* (Тимофеевка; *Тима* < Тимофей), *Макарсикт* (Макаровка; *Макар* < Макарий), *Фомасикт* (ФФ ИЯЛИ А11201-4. Инф.: Мишарина Ольга Ивановна, 1954 г.р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 15.06.2015 г. в с. Большелуг). Топонимические предания объясняют, что свое название на коми и русском языке (*Ыджыдвидз* – Большелуг) село получило из-за особенности равнинного рельефа, обилия заливных лугов, образовавшихся после смены русла реки [Панюков 1999, 53].

Дополняют «народную историю» об освоении края семейные предания, объясняющие появление того или иного рода / фамилии в населенном пункте. По записанным нами рассказам, первым пришел в *Пашкосикт* (букв.: Павловка; Пашко < Павел) – часть с. Большелуг – житель Богородска *Трöш Степан Габов*, имевший несколько сыновей (Семен, Егор и Аверьян). С тех пор фамилия Габовых закрепилась в селе (ФФ ИЯЛИ А11202-3. Инф.: Габова Лидия Михайловна, 1927 г.р. Зап.

А. Н. Рассыхаев 16.06.2015 г. в с. Большелуг). В то же время Елизаровы, по семейным преданиям, обосновались в Макарсикте (ныне тоже часть села) (ФФ ИЯЛИ А11203-6. Инф.: Шевченко Мария Николаевна, 1937 г.р., урож. дер. Макарсикт. Зап. А. Н. Рассыхаев 16.06.2015 г. в с. Большелуг).

На протяжении последних десятилетий зафиксированы предания об образовании Ивановской деревни, которая на коми языке называется *Джиян*, что можно перевести как 'синица'. В речи современных жителей это слово уже не используется, но сохранилось на Выми, откуда пришли первые жители вишерского бассейна [ССКЗД 1961, 314]. Судя по исторической литературе, официально название на коми языке *Джиян* активно использовалось еще в сер. XIX века. [Попов 2010, 170].

По предположению одних информантов, первозасельщиками Ивановской якобы являются жители небольшой дер. Лымва, расположенной в верховьях одноименной реки. В качестве доказательства приводят наличие фамилии Попов в обеих селениях. По историческим же источникам, Лымва была основана жителями Ивановской [Жеребцов 2000, 215].

Судя по преданию, название *Джиян* деревня приобретает уже после заселения. По рассказам, при строительстве дома один человек начал падать со сруба и успел воткнуть топор в стену, схватиться за него и сохранить себе жизнь. За находчивость и ловкость его называли «*джиян*» (синицей), что и послужило названием всего населенного пункта (ФФ ИЯЛИ А11207-5. Инф.: Павлов Ким Иванович, 1937 г. р. Зап. А. Н. Рассыхаев 17.06.2015 г. в дер. Ивановская). Ю. Г. Рочев приводит предание, в котором при строительстве дома участвуют первожители отец с двумя сыновьями, одного из них зовут Иваном. Именно он благополучно зацепился топором, и был удостоен отцом сравнения с птичкой *джиян*, а по названию птички и имени героя были даны коми и русское названия деревни – *Джиян* и *Ивановская* [Рочев 1985, 133].

Другие предания уточняют, что строителем дома был приезжий француз, также владеющий плотницкими способностями и проявивший чудеса изворотливости при падении со сруба: «Говорили, мол, что был какой-то мужчина. Он сруб рубил или что. Когда стал падать, топор воткнул, с тех пор – «*джиян*», «*джиян*» назвали. А так-то Ивановск теперь. (Р: А «*джиян*» – кто, птица?) Нет, человек какой-то – француз какой-то здесь был» (ФФ ИЯЛИ А11278-34. Инф.: Павлова Елизавета Трофимовна, 1934 г. р., урож. с. Большелуг. Зап. А. Н. Рассыхаев 22.06.2017 г. в дер. Ивановская).

Пытаясь найти объяснение появлению француза в далекой коми деревне, актуализируется Отечественная война 1812 г., когда в Коми край были высланы 100 военнопленных французской армии, обосновавшихся в пригороде Усть-Сысольска – ныне местечко Париж в Сыктывкаре [Мацук 2004, 381]. Имеются версии преданий, что коми название деревни *Джиян* восходит к имени французского военнопленного *Ян* (ФФ ИЯЛИ А11228-3. Инф.: Павлов Александр Григорьевич, 1931 г.р. Зап. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. 17.06.2015 г. в дер. Ивановская). Впрочем, среди населения нет единого мнения относительно имени французского военнопленного, этапированного в Усть-Сысольск.

Судя по историческим данным, позже всех начал заселяться нившерский куст с с. Нившера (коми название – *Одыб*) и ближайшими деревнями – Русановской (*Рочсикт*), Ивановкой (*Емель*), Тистом, Лымвой, Алексеевкой (*Мельнича Озын*) и Сывьюдором. Населенный пункт впервые упоминается в ревизской сказке 1747 г., хотя первопоселенцы, возможно, обжили эти места на несколько десятилетий раньше [Жеребцов, Лашук 1958, 90; Жеребцов 2000, 250].

Одним из первых поселенцев Нившеры предания называют Вавила. Это имя встречается как в исторических и краеведческих источниках, ориентированных на рассказы местных жителей [Жеребцов 2000, 250; Панюков 1999, 81], так и в народной традиции. Историки зафиксировали предание о том, что Вавил прибыл вместе с двумя сыновьями по реке и распахан поле, которое назвали его именем – *Вавилкерес*; два других поселенца – по прозвищу *Кеня* (букв.: Кукша) и *Джыдж* (букв.: Ласточка) – основали другие места центральной части села [Жеребцов 2000, 250].

В экспедиционных записях нач. XXI в. имя первопоселенца также сохраняется. Предания сообщают, что Вавил приплыл по реке на лодке: остановившись около устья ручья, поднялся по зарубкам на возвышенность и там заселился. Освоенное им место в память о первопоселенце стали называть *Вавилкерес* (букв.: холм Вавила) (ФФ ИЯЛИ А11135-18. Инф.: Михайлова Мария Семеновна, 1920 г. р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 06.06.2013 г. в с. Нившера). Устойчивым мотивом в преданиях о Вавиле является оставление пожилого старика в лесу для умирания. По сведениям одних информантов, в соответствии с давней традицией сын (вар.: крестный сын) оставляет немощного отца умирать; по другим данным – его убивают; третьи подчеркивают, что, сжалившись, сын обратно возвращает отца домой: «Среди первопоселенцев был Вавил, он жил около современного клуба, был знающим. Крестные дети обманом повели его в лес поймать медведя, убили и закопали в лесу. Это

место и ныне называют *Вавилкерос*) [Панюков 1999, 81]; «Вавила, старика, отвели на *Вавилкерес*. Сколько-то лет исполнится, и раньше было так, что отправляли, чтобы там умер. А его сын отправил его, а потом обратно вернул. Поэтому и назвали *Вавилмурес*. Обратно возвратил, когда жалко стало» (ФФ ИЯЛИ А11179-24. Инф.: Подорова Марья Ивановна, 1931 г. р., урож. дер. Тист. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 07.05.2014 г. в с. Нившера).

Издавна основная часть села Нившера делится на две части – *Джыдж* ‘ласточка’ и *Кеня* ‘кукша’, разделяемые небольшим оврагом. Примечательно, что названия являются орнитонимами, часто встречающимися на территории Коми края для обозначения населенных пунктов. По семейным преданиям, в местечке Джыдж заселились Жижевы – фамилия является видоизмененным и адаптированным к русскому языку *Джыдж*. В Кене стали проживать Ларуковы (от сокращенного имени Илларион – *Лар* и уменьшительно-ласкательного суффикса *-ук*). По сообщениям, сначала заселен *Джыдж*, а первым в *Кене* поселился род *Педбрстав* (букв.: род Федора) (ФФ ИЯЛИ А11187-8. Инф.: Ларуков Василий Кузьмич, 1943 г. р., урож. с. Нившера. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев, С. А. Сажина 18.06.2014 г. в с. Нившера).

Разнообразны предания о заселении деревни Лымва, признанной в 1970-е гг. неперспективной. Все связанные с ныне запустевшим населенным пунктом устные рассказы тематически взаимодополняемы и, видимо, имеют историческую основу. По сообщениям уроженцев деревни, Лымва заселялась трижды. Вслед за историческими источниками, информанты приводят причину появления в глухой тайге на берегу одноименной реки Лымвы – обустройство места отдыха для путников и торговцев, проезжающих по зимнику с Ижмы (вар. – с Печоры) на Вычегду на известные ярмарки Коми края, проходившие в населенных пунктах по Вычегде – прежде всего, на Афанасьевскую в с. Нёбдино [Попов 2010, 174; Лейман 2019, 125–130]. Старожилы подчеркивают, что селение имеет выгодное месторасположение и находится почти на равном расстоянии от ближайших деревень и сел: до Большелуга, Аныба, Бадьельска и Ручи – по 40 км, до Троицка – 26, до Нившеры – 35.

Основание деревни информанты сводят к приказу российского царя открыть станцию для отдыха ижемцев на пути из Ижмы в Нёбдино, куда оленеводы приезжали на Афанасьевскую ярмарку. Первыми жителями была семья Поповых из дер. Ивановской, позже там же жили их сыновья с семьями (ФФ ИЯЛИ А11135-5. Инф.: Михайлова Мария Семеновна, 1920 г.р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 06.06.2013 г. в с. Нившера).

По историческим источникам, Лымва действительно была основана Е. М. Поповым и его семьей из Ивановской в 1840-е гг. [Жеребцов 2000, 215]. Народная молва также гласит, что сначала поселились в Лымву две семьи из дер. Паркерос (деревня в составе с. Нёбдино), но они были вынуждены уйти, т.к. не было продолжателей рода. В последнюю очередь в Лымву переехали жить шесть братьев Поповых из дер. Ивановской (в составе с. Большелуг), которые и закрепились надолго.

Первожителей, переехавших в Лымву, предание наделяет богатырскими качествами. В одном из текстов, облюбовавший верховья реки житель Нившеры по прозвищу Лымва Иван заселяется на месте будущего населенного пункта в 1846 г. после женитьбы. Обладая богатырской силой, он на своих плечах переносит большой камень от мельницы до дома, преодолев без отдыха 3 км, и побеждает своего соперника из соседнего села [Uotila 1995, 60–62]. По словам же старожила деревни П. Г. Попова, в Лымву переехали жить два брата-богатыря по имени Артем и Елисей, в те времена у них еще не было пищалей. Однажды к ним со стороны Усть-Кулома прибыл богатырь по имени Агей: он воткнул пешню в пол и объявил себя хозяином тех мест. В то время в деревне были только жены Артема и Елисея, которые затопили баню и ожидали мужчин с охоты. Узнав о намерении Агея хозяйничать в тех местах, братья-богатыри пригласили пришлого человека в баню, рядом с которой лежал 18-типудовый камень. Перед баней братья невзначай предложили посостязаться в поднятии камня. Агей поднял камень до колена, Елисей – до груди, Артем перебросил камень через голову. Испугавшись сильных соперников, Агей убежал из тех мест навсегда (ФФ ИЯЛИ А11134-6. Инф.: Попов Петр Григорьевич, 1928 г.р., урож. дер. Лымва. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 05.06.2013 г. в с. Нившера).

Ю.Г. Рочев в своей работе, посвященной жанрам устной сказочной прозы коми, упоминает о трех версиях преданий обоснователей Лымвы: богатырь Пар Иван, два брата и три силача. Исследователь приводит объяснение происхождения названия дер. Лымва: «первопоселенец жил на горе (между прочим гора пологая и вершины до реки далековато), ему неохота было спускаться всякий раз за питьевой водой, он растапливал снег и пил ту воды. Отсюда, дескать, и деревня названа – Лымва» (букв.: снеговая вода) [Рочев 1985, 134]. Впрочем, количество семей и имена братьев, поселившихся в

Лымву, в преданиях разнятся, однако все информанты с уверенностью говорят, что лымвинские Поповы являются выходцами из Ивановской деревни. Г. И. Попов, видя сходство в фамильном составе и праздновании храмового праздника двух деревень, отмечает, что в Лымву поселились мужчины по прозвищу Большой Егор (*Бѣдзьѣд Ёгор*) и Маленький Егор (*Дзоля Ёгор*) (ФФ ИЯЛИ А11186-6. Инф.: Попов Геннадий Иванович, 1952 г. р., урож. дер. Ивановская. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев, С.А. Сажина 18.06.2014 г. в с. Нившера).

Таким образом, предания о небольшой и ныне не существующей деревне одни из самых разнообразных, хотя и тематически связаны. Фольклорные рассказы включают как реальные события, близкие к историческим, так и сугубо традиционные мотивы, распространенные в устной прозе (основание братьями, отцом с сыновьями, силачами).

Остальные деревни вокруг Нившеры появились немного позднее, в их коми и русских названиях отражаются имена первопоселенцев, что позволяет отнести их к топонимическим преданиям (или – к преданиям с топонимическим мотивом). Так, по рассказам нившерских информантов, первым жителем дер. Емель (русское название – Ивановка) стал *Емель* – народно-просторечное имя, образованное от мужского личного имени Емельян. Старожилы населенного пункта легко выстраивают собственное родословное древо от первопоселенца. Скажем, наш информант С. Е. Иванов сообщает, что сын Емельяна – Николай Иванович, получивший прозвище *Сярк* за издающую шарканье шубу, приходится ему прадедом (ФФ ИЯЛИ А11145-7. Инф.: Иванов Семён Елизарович, 1929 г.р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 07.06.2013 г. в дер. Ивановка).

Аналогичная ситуация и с деревней *Тист*, первопоселенцем которой по преданию является мужчина по имени *Тист*. Народно-просторечное имя *Тист* образовано от сокращенного мужского имени Феоктист, что подчеркивается и информантами. По рассказам, он построил дом на пригорке, но во время пурги крышу дома унесло в болото. В фольклорных текстах первопоселенец всегда прибывает издалека, этим подчеркивается сакральный статус первопродка, хотя и речь идет об относительно недавних временах.

Как и в случае с другими небольшими деревнями Коми края, старожилы Тиста указывают на свое родство с первозасельщиком. Скажем, Р. И. Ларукова из дер. Тист выстроила собственную родословную до первого жителя деревни: «Тист жил, девять сыновей у Тиста было. От него и название, деревню Тист построил. Он был первым жителем. Его сын – *Тист Кале* (Каллистрат Феоктистович), мы уже из рода Кале (*Кале чукар*). Я – *Тист Кале Опонь Васька Иван Роза*. Тист, отец [Кале] – пришлый человек, большой и сильный человек. Он построил на этом пригорке свой дом, а ураган до болота его дом опрокинул. Потом он посередине Тиста дерева срубил и построил [дом]» (ФФ ИЯЛИ А11305-8. Инф.: Ларукова Роза Ивановна, 1936 г. р. Зап. Л. С. Лобанова 08.06.2018 г. в с. Нившера). Для выстраивания родословной Р. И. Ларукова использует традиционный для коми порядок названия предков от дальнего (прапрадеда) до ближайшего (отца): *Тист Кале Опонь Васька Иван Роза*. На русский язык данную конструкцию можно было бы перевести так: Роза Ивановна – внучка Василия Афанасьевича, праправнучка Каллистрата Феоктистовича.

В названии деревни Русановская отражается этнический признак, закреплённый как в коми, так и русском топониме – «*Рочсикт*» (букв.: Русская деревня), Русановская. В преданиях о возникновении Русановской подчеркивается, что она основана пришлым русским человеком («*роч морт*»), заселившимся на пригорке для выращивания хлеба. Некоторые жители указывают, что мужчину звали Гавриилом (*Габѣ*), у которого было два сына – Сергей и Филипп. Первоначально до заселения Русановской он жил в 10 км от деревни в местечке *Важ Сидѳрѳин* (букв.: Старая Сидоровка), где в настоящее время находятся заливные луга. Из-за неурожая хлеба он нашел удобное для земледелия гористое место, где хлеб не замерзает, а также построил кузницу (ФФ ИЯЛИ А11148-3. Инф.: Михайлова Анна Ивановна, 1927 г.р. Зап. А. Н. Рассыхаев, Л. С. Лобанова 07.06.2013 г. в дер. Русановская). По другим сведениям, родоначальником Русановской может быть мужчина по имени Сергей, т. к. в деревне многие ведут род от Сергея.

Позже всех, на рубеже XIX–XX вв., в Нившерском кусте образовалась Алексеевка, название которой также дано по имени первого жителя. Сохранилась даже фотография основателя деревни. По преданиям, она названа по имени первопоселенца – Алексея Михайловича Габова (*Тикѳн Микайлѳ Олексей*) из дер. Тист, первым поселившимся на этом месте вместе с братом Андреем и построившего мельницу на р. *Вью* [Панюков 1999, 99]. Коми название деревни – *Мельничка Озын* (букв.: причал у

мельницы) также связан с деятельностью первозасельщика, содержавшего мельницу.³ Информанты сообщают, что он был дважды женат, бездетен. Как зажиточный крестьянин он был раскулачен, скрывался в лесу на р. *Ропча*, убит в лесной избушке (ФФ ИЯЛИ А11161-1. Инф.: Виноградова Евдокия Михайловна, 1929 г.р. Зап.: Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 12.06.2013 г. в дер. Алексеевка). В то же время в некоторых преданиях уточняется, что в Алексеевке первым дом построил выходец соседней деревни Иван Васильевич (деревенское прозвище *Оньё Васька Иван*), но в своем доме раньше заселился А. М. Габов, чьим именем и названа была деревня.⁴

Таким образом, преданиях об освоении и заселении края основными героями, обживающими тайгу, становятся охотники, рыболовы и землепашцы. Наиболее частыми мотивами становятся такие распространенные, как освоение пространства одним человеком, двумя или тремя родными (реже – шестью) братьями, выбор удобного для земледелия холма, расселение у богатого дичью и пушными зверями реки, случайное открытие нового прямого пути между населенными пунктами.

Разностадиальные фольклорные тексты, образованные в разное время и циркулирующие в традиции в начале XXI в., создают целостный народный образ исторического освоения Вишерского края. Они образуют цикл преданий об освоении и заселении края, который вместе с топонимическими преданиями сохраняют коллективную народную память о событиях этнолокальной группы.

Первый период на основе фольклорных текстов можно обозначить как «чудской». Основным персонажем преданий становится аборигенное население – мифологическая чужь, исчезнувшая с данной территории, но оставившая наиболее значимые гидронимы Вишерского края – реки Вишера (*Висер*) и Нившера (*Ньывсер*), ручьи *Сапöгаэль* и *Виччысянашор*, озеро *Сисьпасяты*. Нынешним информантам чужь предстает как обитавшее до появления коми население, похоронившие себя из-за неприятия другой веры. Чужь всегда безымянна, но иногда указывается гендерная характеристика (чудинка). Современное население, судя по записанным материалам, не считает себя потомками той самой чужди, от которых остались городища и чудские ямы – некие местные достопримечательности, но не сакральные почитаемые объекты. Между тем, некоторые коми поэты и писатели в поисках своих корней склонны были поэтизировать родство коми с чуждью (к примеру, стихи народного поэта Коми В. Г. Лодыгина).

Второй период заселения Вишерского бассейна предания связывают с коми населением, прибывшим на начальном этапе с верховьев Выми. В устной прозе они становятся основателями основных населенных пунктов по рекам Вишера и Нившера, давшими названия селам и деревням. Первопоселенцами становятся братья или группа людей (с. Большелуг, дер. Выльыб), братья-охотники (дер. Троицк, дер. Пасвомын), отец с сыновьями-землепашцами (с. Одыб, дер. Лымва), три брата-богатыря (дер. Лымва), пришлый мужчина (русские) (дер. Русановская) или француз-военнопленный, отправленный в местечко Париж под Сыктывкарком после Отечественной войны 1812 года. (дер. Ивановская). Некоторые деревни, образованные на рубеже XIX–XX веков в своем названии сохраняют имена первых жителей (деревни Емель, Тист, Алексеевка), а старожилы нередко легко выстраивают свое родословное древо к первопоселенцу.

Несколько населенных пунктов и частей села Вишерского края имеют орнитонимы, что дает возможность информантам выдвинуть версию об обилии данных видов птиц в здешних местах (*Лунь* ‘Лунь’, *Сюзяыб* ‘Сова’ + ‘возвышенность’, *Кеня* ‘Кукша’, *Джыддж* ‘Ласточка’). Исключением является коми название деревни Ивановской – *Джиян* ‘Синица’, т. к. слово вышло из повседневного оборота и не используется в местном говоре.

Устные предания об освоении и заселении края, как и топонимические предания, часто сохраняют историческую память о заселении тех или иных мест, населенных пунктов. Несмотря на то, что в преданиях есть установка на достоверность и историчность, часто основу таких текстов составляют

³ Отметим, что в дер. Алексеевке почитается икона Вознесения, перед которой в дни празднования Вознесения Христова сельчане до сих пор проводят домашние богослужения [Лобанова, Рассыхаев 2017, 44]. В научной литературе отмечено, что якобы А. М. Габов поставил крест перед своим домом на берегу ручья, где стояла мельница, и выносил икону Вознесения к этому кресту для проведения богослужения в дни обхода полей и на Вознесение [Панюков, Савельева 2006, 276]. Однако, проверка экспедиционных материалов 2000 г., а также полевые исследования 2012–2018 гг. не содержат никаких свидетельств того, что основатель деревни выносил икону на Вознесение.

⁴ Уточним, что в исторической литературе указана неправильная фамилия первозасельщика – Алексей Михайлов [Жеребцов 2000, 9].

воспроизводимые архаические сюжетообразующие мотивы, к которым относится основание сел одним первопоселенцем, двумя или тремя братьями, группой людей, не связанных родством.

Особенностью устной прозы вишерских коми является функционирование преданий, объясняющих топоним как на коми, так и русском языках. Двухязычные (коми и русские) топонимы повлияли на формирование сюжетно-мотивного фонда топонимических преданий, т.к. информанты часто объясняют возможное происхождение топонима с опорой на разные языки.

СОКРАЩЕНИЯ

ФФ ИЯЛИ: А – Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, аудиозапись.

ЛИТЕРАТУРА

Вакуль. Край наследников жреца Пама и колдуна Тьювö [URL: va-kul.livejournal.com/3541.html] (дата обращения: 01.11.2022)

Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 448 с.

Жеребцов Л. Н., Лапук Л. П. Старая Вишера // Историко-филологический сборник / Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 83–127.

Историческая память в устных преданиях коми: Материалы / Сост. и подгот. текстов М. А. Анкудиновой, В. В. Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 158 с.

Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; под общей редакцией А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. 616 с.

Коми легенды и предания / Сост., вступит ст., примеч. и перевод Ю. Г. Рочева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 176 с.

Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. К. Соколова. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. 228 с.

Кузнецова В. С. Легенды о переплывающей реку Богородице в русской фольклорной Библии // Критика и семиотика. 2012. № 16. С. 163–185.

Левинтон Г. А. Предания и мифы // Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. К–Я. С. 332–333.

Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.

Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Современная традиция почитания православных икон в с. Нившера Корткеросского района Республики Коми // Традиционная культура. 2017. № 1. С. 38–51.

Мацук М. А. Отечественная война 1812 года // История Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2-х т. / Отв. ред. В. И. Чупров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 378–381.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. 320 с.

Панюков И. М. Висервож да сэтчös олысьяс йылысь пасйödьяс. [Заметки о Вишерском крае и его жителях]. Корткерос: [б. и.], 1999. 107 с. (на коми яз.)

Панюков А. В., Савельева Г. С. Храмовые и заветные праздники в Коми крае // *Paleoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* XIV. Cambridge, Massachusetts. 2006. P. 262–286.

Попов А. Е. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2010. С. 158–174. (Оригинал: Попов А. Е. Путевыя заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 10–12).

Рассыхаев А. Н. Предания о селе Богородск // Известия Общества изучения Коми края. 2022. № 2 (23). С. 31–38.

Рочев Ю. Г. Жанры несказочной прозы. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 236.234 л.

Савин В. А. «Мусюр» сайын. Висервожд коми йöзкостсасыланкывьясчукöртöм [За водоразделом. Собрание коми народных песен по Вишере] // Коми му – Зырянский край. 1926. № 9. С. 33–41; № 10. С. 35–38; № 11. С. 35–43.

Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова и др. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 462 с.

Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: Дисс. ... д.филол.н. Улан-Удэ, 2018. 540 л.

Uotila 1995 – Syrjänische Texte. Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt / Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1995. Bd. 4. 521 s.

Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

Поступила в редакцию 15.09.2022

Рассыхаев Алексей Николаевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Института языка, литературы и истории

Федерального исследовательского центра

«Коми научный центр УрО РАН»

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: rassyhaev@mail.ru

A. N. Rassykhaev

KOMI LEGENDS ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE VISHERA REGION

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-507-519

The article, based mainly on field expeditionary materials from the beginning of the 21st century, for the first time analyzes the Komi legends about the development and settlement of the Vishera region (Vishera River basin, Kortkeros district of the Komi Republic). Diverse folklore works, formed at different times and circulating in traditions, are distinguished. They create a holistic folk image of the historical development of the Vishera region and preserve the collective memory of the ethnolocal group. The first period based on folklore texts can be designated as “chud period”. The main character of legends is the indigenous population – the mythological chud, which disappeared from this territory, but left the most significant hydronyms of the Vishera region. The second period of legends is associated with the Komi population, who arrived at the initial stage from the upper reaches of the Vym River. In oral prose, the heroes who inhabit the taiga are fishing hunters and farmers who founded settlements along the Vishera and Nivshera rivers and gave names to villages. The most common motifs are such common ones as the development of space by one person, two or three (less often – six) blood brothers, the choice of a hill convenient for agriculture, the settlement near a river rich in game and fur animals, and the accidental discovery of a new direct path between settlements. Some village names reflect the names of the first inhabitants, bird species, and features of the area. A peculiarity of the oral prose of the Visher Komi is the functioning of legends explaining a toponym both in Komi and Russian. Bilingual place names increase the plot-motif fund of legends.

Keywords: Komi, folklore, local folklore tradition, Vishera’s Komi, oralfolk prose, legends, oral story, oral history.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 507–519. In Russian.

REFERENCES

Vakul'. *Krai naslednikov zhretsa Pama i kolduna Tyuvö* [The land of the heirs of the priest Pama and the sorcerer Tyuwe]. [URL: <http://va-kul.livejournal.com/3541.html>] (accessed: 01.11.2022) In Russian.

Zherebtsov I. L. *Gde ty zhivesh': Naseleennye punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskij spravochnik* [Where you live: Settlements of the Komi Republic. Historical and Demographic Directory]. Syktывkar: Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2000. 448 p. In Russian.

Zherebtsov L. N., Lashuk L. P. *Staraya Vishera* [Old Vishera]. *Istoriko-filologicheskii sbornik / Komi filial AN SSSR* [Historical and philological collection / Komi branch of the Academy of Sciences of USSR]. Syktывkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1958, vol. 4, pp. 83–127. In Russian.

Istoricheskaya pamyat' v ustnykh predaniyakh komi: Materialy / Sost. ipodgot. tekstov M. A. Ankudinovoi, V. V. Filippovoi [Historical memory in the Oral Traditions of the Komi Republic: Materials. Compiled by M. A. Ankudinova, V. V. Filippova]. Syktывkar, 2005. 158 p. In Komi, Russian.

Kargopol'e: Fol'klornyi putevoditel' (predaniya, legendy, rasskazy, pesniiprislov'ya) / Sost. M. D. Alekseevskij, V. A. Komarova, E. A. Litvin, A. B. Moroz, N. V. Petrov [Kargopol: Folklore guidebook (traditions, legends, stories, songs and words) / Comp. M. D. Alekseevsky, V. A. Komarova, E. A. Litvin, A. B. Moroz, N. V. Petrov]. Moscow, 2009. 616 p. In Russian.

Komi legendy i predaniya. Sost., vstupitst., primech. I perevod Ju. G. Rochev [Komi legends and stories. Compiled by Yu. G. Rochev]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1984. 176 p. In Komi, Russian.

Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza. Voprosy genezisa i struktury* [Russian folk historical prose. Questions of genesis and structure]. Lenindrad, Nauka Publ., 1987. 228 p. In Russian.

Kuznetsova V. S. Legendy o pereplyvajushhei reku Bogoroditse v russkoi fol'klornoj Biblii [Legends about the Mother of God crossing the river in the Russian folklore Bible]. *Kritika isemiotika* [Criticism and semiotics], 2012, no 16, pp. 163–185. In Russian.

Levinton G. A. Predaniya i mify [Traditions and myths]. *Mify narodov mira: enciklopediya v 2-kh t. 2-e izd.* [Myths of the peoples of the world: an encyclopedia in 2 volumes. 2nd edition]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1988, B. 2, K – Ya, pp. 332–333. In Russian.

Leiman I. I. *Yarmarki na Evropejskom Severe Rossii v XIX – nachale XX veka* [Fairs in the European North of Russia in the XIX – early XX centuries]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History Publ., 2019. 232 p. In Russian.

Lobanova L. S., Rassyhaev A. N. Sovremennaya traditsiya pochitaniya pravoslavnykh ikon v s. Nivshera Kortkerosskogo rajona Respubliki Komi [Modern tradition of veneration of Orthodox icons in the village of Nivshera, Kortkerossky district of the Komi Republic]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2017, vol. 1, pp. 38–51. In Russian.

Macuk M. A. Otechestvennaya vojna 1812 goda [Patriotic War of 1812]. *Istoriya Komi s drevnejshikh vremen do kontsa XX veka: v 2-kh t.* [The history of Komi from ancient times to the end of the 20th century: in 2 volumes]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2004, B. 1, pp. 378–381. In Russian.

Panchenko A. A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Studies in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. St. Petersburg, “Al-etejja” Publ., 1998. 320 p. In Russian.

Panyukov I. M. *Viservozh da sietchös olys'yas iylys' pasiöd'yas* [Notes on the Vishera District and its Residents]. Kortkeros, 1999. 107 p. In Komi.

Panyukov A. V., Savel'eva G. S. Khramovye i zavetnye prazdniki v Komi krae [Temple and cherished holidays in the Komi Region]. *Paleoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* XIV. Cambridge, Massachusetts, 2006, pp. 262–286. In Russian.

Popov A. E. Putevye zametki ot Ust'-Sysol'ska k Visherskomu seleniyu [Travel notes from Ust-Sysolsk to Vishera village]. *Zyrjane i zyrjanskii kraj v literaturnykh dokumentakh XIX veka* / Sost., vstup. st. V. A. Limerovoj [Zyryan and Zyryan region in literary documents of the XIX century / Comp., Entry. St. V. A. Limerova]. Syktyvkar, “Kola” Publ., 2010, pp. 158–174. In Russian.

Rassyhaev A. N. Predaniya o sele Bogorodsk [Legends about the village of Bogorodsk]. *Izvestiya Obshhestva izuchenija Komi kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Komi Territory], 2022, no 2 (23), pp. 31–38. In Russian.

Rochev Ju. G. *Zhanry neskazochnoj prozy komi fol'klora* [Genres of untold prose of Komi folklore]. Syktyvkar, 1985. 234 p. [Nauchnyi arkhiv Komi NC [Scientific Archive of the Komi Scientific Center]: F. 5. I. 2. C. 236]. In Russian.

Savin V. A. «Musyur» sajyn. Viservozhöd komi jözkostsa s'ylinkyvyas chukörtöm [Beyond the watershed. Collecting Komi folk songs on Vishera]. *Komi mu – Zyrjanskii kraj* [Komi land –Zyryansky Territory], 1926, no 9, pp. 33–41; no 10, pp. 35–38; no 11, pp. 35–43. In Komi.

Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian historical story]. Moscow, Nauka, 1970. 289 p. In Russian.

SSKZD – Sravnitel'ny jslovar' komi-zyrjanskikh dialektov / Sost. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova i dr. [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects / Comp. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova and others]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1961. 462 p. In Russian.

Tihonova E. L. *Semantika i pragmatika fol'klorno-istoricheskoi prozy russkikh starozhilov Baikalskogo regiona*: Diss. Doctor filol. Nauk [Semantics and pragmatics of folklore historical prose of Russian old-timers of the Baikal region. Doctor filol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2018. 540 p. In Russian.

Uotila T. E. *Syrjänische Texte.* Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt. Helsinki: Suomal.-ugrilainen seura Publ., 1995. B. IV. 521 p. In Komi, German.

Received 15.09.2022

Rassykhaev Alexey Nikolaevich

PhD in Philology, Senior Researcher, Folklore Department
Institute of Language, Literature and History
Komi Scientific Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russia
E-mail: rassyhaev@mail.ru